

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 3 (431)

19-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г. — 3 долл., за ¼ г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г. — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25. Chèques Postaux « Le Courrier Socialiste » — 359,84 Paris. Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

17 Февраля 1939 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Испанская трагедия и европ. демократия.
Ф. Дан. СССР: международное и внутреннее положение.
А. Югов. План третьей пятилетки.

С. Шварц. Наступление развертывается.
А. Горский. Современный антисемитизм.
По России: Письмо из Москвы.

Фельетон: Г. Грамматикопуло. К загадкам московских процессов (продолжение): Г-н Притт на августовском процессе. — Об убийстве Кирова и прочем. — Письмо Радека.

Extrait de Sommaire: L'éditorial sur les événements d'Espagne; articles de Th. Dan sur la situation extérieure de l'U. R. S. S. et sur le projet de nouveaux statuts du parti; de A. Jugow sur le troisième plan quinquennal; de S. Schwarz sur la politique anti-ouvrière en U. R. S. S.; de G. Grammaticopoulo sur les énigmes des procès de Moscou; de A. Gorski sur l'antisémitisme moderne; Lettre de Moscou etc.

Испанская трагедия и европейская демократия

По непроходимым горным тропинкам, по глубокому снегу, по запруженным войсками и обозами дорогам, гоня впереди себя своих коз и овец, таща на себе свои скудные пожитки, ведя за руку малых детей, голодные, полубосые, оборванные, еле держась на ногах от усталости, бесконечным потоком влчаться к французской границе каталонские беженцы, спасаясь от авангардов генерала Франко.

Совершается трагический исход целого народа, отказывающегося подчиниться тирании военной клики, захватившей власть благодаря поддержке иностранных правительств и прямой помощи иностранных легионов.

Эта человеческая трагедия сотен тысяч мирных граждан, женщин и детей, вырванных бурей гражданской войны из родной почвы, превратившихся в бездомных скитальцев, обреченных на нужду, холод, унижения и болезни, сейчас сильнее всего действует на воображение и чувство, больше, чем что-либо иное привлекает к себе внимание и сочувствие цивилизованного мира.

Но к чувству естественной жалости и сострадания к бедствиям сотен тысяч испанских и каталонских беженцев у всех социалистов и демократов примешивается еще горькое чувство поражения и стыда, сознание своей вины за трагедию, постигшую испанскую республику. После чехословацкой демократии, преданной своими союзниками и отданной на растерзание врагам, очередь оказалась за испанской революцией, покинутой мировой демократией, не поддержанной, — по трагическо-

му недоразумению, — одними, сознательно преданной другими «защитниками мира и демократии». Кто будет следующей жертвой, которую принесут на алтарь призрачного «мира» ослепленные, бесхарактерные, потерявшие всякую перспективу мировые демократии!?

Долго-ли еще будет продолжаться эта цепь легких побед и триумфов международного фашистского блока, и долго-ли еще продлится состояние прострации так наз. демократических стран, добровольно сдающих одну за другой стратегические и политические позиции, которые завтра, может быть, придется отбирать обратно ценою сотен тысяч человеческих жизней?!

Вот вопросы, которые сейчас, после испанской трагедии, невольно задает себе всякий искренний сторонник мира и демократии, старающийся вдуматься в смысл происходящих поистине исторических событий.

На те же вопросы наводит и все то, что сообщается в прессе по поводу дальнейшего развития самого испанского вопроса.

Идея позволили Муссолини и Гитлеру руками Франко позволяли Муссолини и Гитлеру руками Франко разгромить дружественную испанскую демократию и водворить на пиренейской границе Франции тоталитарную Испанию, — это естественное и для всех очевидное продолжение знаменитой «оси». Каталония раздавлена. Но еще держится центральная Испания — этот последний остров испанской республики. И в руках Англии и Франции могли бы быть не малые стратегические козы-

ри, которыми можно было бы до известной степени компенсировать поражение, понесенное у Пиренеев: Минорка, испанское Марокко.

Во французской печати немало писалось по поводу того, что занятие республиканской Минорки англо-французскими силами (само собой разумеется, с согласия республиканского правительства Испании) и оккупация, такими же силами и опять-таки с согласия испанского правительства, испанского Марокко могли бы в значительной степени служить противовесом тому стратегическому перевесу, который германо-итальянская коалиция получила в западном бассейне Средиземного моря благодаря победе Франко.

Между тем, взятие чрезвычайно сильно укрепленной Минорки являлось для Франко, даже при поддержке итальянского флота и германской авиации, делом чрезвычайно нелегким.

И вот в эту самую минуту на сцену появилось «великодушное» предложение Англии — помочь Франко овладеть Миноркой без пролития крови. О, это чудовищное предложение отнюдь не мотивируется желанием сделать еще одно одолжение Франко, которому английское консервативное правительство уже оказало столько услуг. Нет, оказывается, что слача Минорки без боя десяти тысячному десанту Франко была не только гуманитарным посредничеством, предназначенным предотвратить «ненужное пролитие крови», но и чрезвычайно дальновидным политическим шагом. Ибо, видите-ли, если бы Минорка была взята с боя соединенными силами Муссолини и Франко, то на Минорке потом остались бы итальянские войска. Поскольку же Минорка сдана без боя, то Франко обязался послать туда только одних чистокровных испанцев. Поистине, какого низкого мнения нужно быть об общественном мнении Англии и всего мира, чтобы думать, что этот «остроумный» аргумент может быть кем-нибудь принят всерьез! Точно политика будущей тоталитарной Испании будет определяться национальным составом тех отрядов, которые будут занимать те или иные пункты. Точно 10.000 франкистских солдат испанского происхождения не будут с той же покорностью выполнять анти-французские или анти-английские распоряжения, выработанные в генеральном штабе итало-германо-испанской коалиции, как если бы Минорку занимали самые доподлинные сицилийцы или неаполитанцы?!

Чтобы ввести в заблуждение общественное мнение, известная часть печати, — не без поощрения кое-каких министров, — сознательно изображает дело так, будто вся опасность положения в Испании заключается в том, что там останутся итальянские или другие иностранные войска. И обещание Муссолини увести отсюда итальянские части намеренно изображается как

какая-то чрезвычайно крупная победа Чемберлена. Шутка-ли, сам дуче обещал увести свои войска из Испании не то по окончании военных действий, не то по окончании политической реорганизации националистической Испании. Между тем совершенно очевидно, что этот вопрос имеет десятистепенное значение. Победоносная франкистская Испания не потому будет опасна интересам Франции и Англии, что ее будут толкать против итало-французского блока штыки итальянского экспедиционного корпуса. Нет, переход Франко на сторону «оси» или точнее, дальнейшее закрепление Франко у той оси, на службе которой он состоит уже давно, вызывается гораздо более реальными и глубокими причинами, и является совершенно естественным результатом всего развития Испании и Европы за последние годы. Генерала Франко не надо будет насильно тащить в состав коалиции тоталитарных держав. И даже если в Испании не останется ни одного итальянского солдата, Испания Франко будет таким же покорным и преданным вассалом итало-германского блока, каким является сейчас Венгрия, хотя в последней нет никакого германского экспедиционного корпуса!

Но нет большей слепоты, чем у людей, которые не желают видеть. Буржуазно-реакционное большинство английского (да и французского) парламента, в котором сидит столько опытных, ловких и всесторонне-информированных политиков, ни за что не желает признать этих, казалось бы, столь элементарных и самоочевидных истин, и делает вид, будто-бы за делаемые Муссолини, Гитлеру и Франко гигантские уступки даются взамен какие-то компенсации, что в Европе устанавливается какое-то равновесие, — словом, что ведется какая-то планомерная, обдуманная политика «дальнего прицела». Но события последних лет показали с достаточной очевидностью, что никакого плана, никакой политики «дальнего прицела» у нынешних руководителей демократических стран не имеется; что они действуют под влиянием минутных побуждений, преходящих классовых настроений и обманчивых расчетов. Нужна радикальная смена нынешнего руководства для того, чтобы на место хаоса, случайности, близорукого классового эгоизма, бесхарактерности и растерянности стала твердая, решительная целеустремленная тактика, соответствующая и интересам демократии и национальным интересам демократических стран.

Но такого рода смены может добиться только упорная борьба организованного пролетариата, если он, в соединении с другими демократическими силами, возьмет на себя роль застрельщика и руководителя в организации отпора наступлению мирового фашизма. И только на этих путях может быть спасено еще то, что осталось в живых от истекающей кровью испанской революции.

Ф. ДАН.

СССР: Политика внешняя и внутренняя

Чем больше капиталистическая буржуазия великих демократических держав Европы и ее государственные деятели «спасают мир» непрерывными капитуляциями и отступлениями перед непроломным авантюризмом фашистов, тем больше превращается весь свет в сплошной вооруженный лагерь, тем ближе надвигается грозный призраок войны и тем гуще ложится тень этого призрака на всю внутреннюю, экономическую и политическую жизнь всех стран земного шара. Те внутренние силы хозяйственного, социального, культурного и т. д.

порядка, которые определяют собою развитие отдельных стран, не перестают, разумеется, действовать. Но их действие протекает под все усиливающимся давлением внешне-политической атмосферы, то преобладающим, то искажающим и внешние формы его проявления, и его результаты: понять и объяснить ход внутренней жизни каждой страны становится все более невозможным, если не смотреть на эту жизнь с вышки общего международного положения, в поистине небывалой степени насыщенного военно-грозным электриче-

ством. Советский Союз не представляет в этом отношении исключения. Наоборот; так как во многих отношениях — и с географической, и с политической, и с социальной точки зрения — он является, так сказать, «невралгическим» пунктом всего мирового положения, то его внутренняя жизнь оказывается особенно чувствительной ко всем изменениям этого положения.

В международном отношении истекший год был годом непрерывного возрастания (или, если иметь в виду далекое уже прошлое, возрождения) изоляции Советского Союза, вытеснения его с международной арены. Вся Берхтесгаденско - Мюнхенская эпопея была разыграна без участия СССР, как без его активного и видимого участия протекают до сих пор и все дальнейшие этапы взаимоотношений между фашистской «осью» и англо-французским блоком.

Нет сомнения, что известные тенденции к самоизоляции присущи политике самой сталинской диктатуры, все более ощущающей международно - пролетарский динамизм русской революции, как помеху своему собственному самосохранению, и потому берегающей не только советский «социализм», но и советский «патриотизм» для своей «одной страны» и придающей этому патриотизму характер самого вульгарного и самого близорукого «священного национального эгоизма». Вынужденная опасаться всяких потрясений, которые могли бы вывести из состояния покоя народные массы, сталинская диктатура и в своей внешней политике отнюдь не свободна от стремления «отсидеться» от надвигающейся мировой бури в крепости «нейтралитета», который, разумеется, стране, располагающей шестой частью земной поверхности и всеми ресурсами самостоятельного «автаркического» хозяйства, сулит на первый взгляд (но только на первый взгляд!) гораздо большие возможности, чем карточный домик «нейтралитета» тех малых стран, для которых этот «нейтралитет» обозначает лишь готовность заранее примириться с пассивным служением тому из воюющих противников, который в данный момент и в данной ситуации окажется более сильным. Нет, наконец, сомнения и в том, что тот кровавый разгром армии, хозяйства, партийного и советского аппарата, который сталинская диктатура произвела руками «нашей славной разведки», — сначала Ягодной, потом Ежовской! — дал как нельзя более убедительные аргументы и предлоги тем, кто по тем или иным причинам добивался выключения Советского Союза из общего международного круговорота.

Но как бы велики ни были факторы изоляции, возникающие в пределах самого Советского Союза, решающую роль все-же играют тут соображения и настроения тех крупно - капиталистических кругов, которые определяют общее направление внешней политики англо-французского блока и которые в свое время сумели даже первому правительству Блюма навязать политику «невмешательства», дающую сейчас такие ядовитые плоды. Эти круги с жадностью ухватились за произведенный Сталиным разгром, чтобы обречь фактически на бездействие франко-советский пакт и попытаться решить судьбы Европы и всего мира путем сговора с фашистскими агрессорами, но без всякого участия правительства страны, революционные традиции и революционные возможности которой делали и делают ее крайне нежелательным контр-агентом сделки, потаенный, но глубочайший (хотя, в силу неустрашимых антагонизмов и утопический!) смысл которой и заключается в создании своего рода Священного Союза капиталистических реакций и контр-революций для предотвращения и подавления всяких социально - революционных движений.

Но помимо этих «идеологических» мотивов у правящего слоя англо-французского блока были, конечно, со-

ображения и чисто военно - политического порядка. Направить воинствующий динамизм Гитлера на восток, связать и истощить силы германского национал-социализма в нелегкой и во всяком случае долгой войне с Советским Союзом раньше, чем эти силы обрушатся на западные державы, — такая перспектива казалась многим деятелям этого слоя достаточно соблазнительной, чтобы для нее стоило и «подморозить» франко-советский пакт, и всячески форсировать изоляцию Советского Союза, и кокетничать с идеей «пакта четырех», который ничего иного не обозначает и обозначать не может, кроме попытки фашистской «оси» столкнуться с англо-французским блоком на основе раздела СССР.

Одно время казалось, что основным направлением гитлеровской политики и впрямь делается направление анти-советское. Величайший шум был поднят вокруг украинской проблемы, и все «самостийники», вплоть до рядившихся так долго в социалистические одежды, приосанились и начали занимать, рядом с «кацапами» из черной сотни, места, отведенные им в гитлеровском обозе. Эта шумиха заставила и сталинскую дипломатию встрепенуться и предпринять ряд оборонительных мер, которые начались попыткой сближения с Польшей и отголоском которых являются перерыв дипломатических сношений с Венгрией, включившейся в анти-коминтернский блок, и проект Черноморского пакта с Румынией и Турцией.

Но очень скоро обнаружилось, что «Великая Украина» — это скорее всего простая дымовая завеса, за которую Гитлер думал одно время укрыть действительное, «западное» направление своего воинственного динамизма, и от которой ему пришлось отказаться, быть может, раньше, чем он предполагал, в виду тех осложнений, которые она грозила создать ему на востоке (с Польшей, Венгрией, Румынией), и в виду того хода событий в Средиземно-морском бассейне, который еще раз демонстрировал ту, лишь слепым невидимую, «тайну», что основной задачей национал-социалистической внешней политики является разгром франко-британской, и в первую очередь — британской, империи, и что в этом отношении она является законной преемницей империалистической политики Вильгельма II. Сейчас во всяком случае украинская карта играет во внешней политике Гитлера чисто подсобную роль — угрозы по адресу СССР, имеющей целью вынудить «невмешательство» Советского Союза в «западную» войну.

Но если преступления сталинской диктатуры облегчили капиталистическим кругам демократических стран их задачу воссоздания своего рода «санитарного кордона» вокруг страны Советов, то политика этих кругов, в свою очередь, облегчает сталинской диктатуре проведение присущих ей ныне «изоляционистских» тенденций: если Англия и Франция не считают себя обязанными прийти на помощь Советскому Союзу, угрожаемому гитлеровщиной, то почему Советский Союз обязан прийти им на помощь в минуту опасности? Рассуждение, в высшей степени близорукое, но с точки зрения «священного национального эгоизма» как нельзя более «убедительное».

Явное проявление такого тяготения к «нейтралитету» можно усмотреть в том, что, если пресловутая «миссия Шнурре», имевшая целью, под прикрытием «торговых переговоров», так же договориться о «невмешательстве» со Сталиным, как Риббентроп попытался договориться с Бекем, в конце концов и не состоялась, то отнюдь не по вине Москвы. Подтверждением этого тяготения является и только что возобновленный торговый договор с Италией, по которому Советский Союз еще увеличивает свои поставки военных материалов (марганец, нефть и т. п.) итальянскому фашизму, так

усиленно готовящемуся, под командой своего германского «союзника», к европейской и мировой войне. И таким же подтверждением является и весь тон советской печати, отнюдь не подготовляющий советских читателей к пониманию того факта, что в своих собственных интересах, не говоря уже об общих интересах демократии и социализма, Советский Союз ни в коем случае не может остаться «нейтральным», если полчища германо-итальянского фашизма начнут новую кровавую бойню ради установления своей гегемонии, сначала над Европой, а потом и над всем миром.

**

Но мечты сталинской диктатуры о самоизоляции от надвигающейся войны, последний источник которой лежит в неуправляемом процессе разложения капиталистического строя и мог бы быть засыпан лишь революционным низвержением центральной опоры этого строя в настоящий исторический момент — германского национал-социализма, такая-же утопия, как попытки капиталистической буржуазии демократических стран купить мир капитуляцией перед фашизмом, исторически как раз и обреченным собственными руками приводить в движение лавину войны. Вопреки всем мечтам и иллюзиям, Советский Союз вынужден так-же жить в обстановке все возрастающей военной опасности и так-же приспособлять к этой надвигающейся опасности и всю свою внутреннюю политику, как и демократические страны Европы, и даже больше, чем эти страны, потому что непосредственная военная опасность грозит ему не только с европейской стороны «антикоминтернского» треугольника, но и с его азиатской, японской стороны.

Хозяйственной подготовкой к войне объясняется, конечно, спешное дробление хозяйственных комиссариатов чуть не на дюжину мелких управлений, которое, сужением задач руководства и приближением его

к производству, пытается компенсировать глубочайшую дезорганизацию, внесенную в хозяйственную жизнь массовыми расстрелами и еще более массовыми арестами, ссылками, смещениями последних лет. Психологически сталинская диктатура готовит страну к войне культивированием того грубого и шовинистического ура-патриотизма, который превращает диктатора в наследника всех «собирателей земли русской», начиная со святого и благоверного князя Александра Невского, «очищает» воинскую присягу от всех намеков на социализм и интернационализм и даже в театральных пьесах видит «главное и основное» в напоминании «о славе и мощи великого русского оружия» (см. отзыв о постановке пьесы «Ключи Берлина» в «Правде» от 5 февраля). Но сталинская диктатура вынуждена готовиться к войне и политически.

К области такой политической подготовки относится, конечно, тот нескончаемый поток орденов, наград и все вновь создаваемых «знаков отличия», которым сталинская диктатура старается задобрить и утихомирить свой «аппарат», взбудораженный и встревоженный расправами последних лет, и который со дня на день льется на армию, хозяйственников, производственников, деятелей культуры — академиков, артистов театра и кино, художников и писателей. Как «Социалист. Вестник» имел случай говорить еще в № 23/24 за прошлый год, эту-же подготовку следует объяснить падение Ежова и замену его Берией, в задачу которого входит возможно быстрая и полная ликвидация массовых расправ Ежовской «славной контр-разведки» с теми не политическими и деятелями аппарата, которые не успели еще получить пули в затылок или сойти в могилу жертвами концлагерной каторги и потому могут еще быть возвращены к жизни и службе. И не будет ничего удивительного, если окажется доля правды в

Г. Н. ГРАММАТИКОПУЛО.

К загадкам московских процессов

(Продолжение).

Г-н Притт на августовском процессе.

Рядом со мною сидит г. Притт, единственный иностранный юрист, который получил приглашение присутствовать на процессе, чтобы затем свидетельствовать о нем перед миром и историей... С довольной улыбкой следит он за ходом процесса. Все как будто идет хорошо. Прокурор похож на профессора, председатель суда вежлив, подсудимые сознаются во всем или почти во всем, признаков гипноза, пыток или принуждения нет никаких. Какие-же могут быть еще сомнения в корректности процесса и обоснованности обвинений?

Правда, имеются некоторые «странности». Например: нет никаких улик, подтверждающих признания; почему же подсудимые не пользуются этим? Нет, в сущности, и свидетелей: нельзя-же серьезно считать свидетелями людей, приводимых в зал суда из тюрьмы и отводимых туда обратно, обвиняемых в совершении тех-же преступлений, в которых обвиняются и подсудимые! Такого рода «свидетельские» показания имеют, очевидно, ровно такую-же цену и ровно такую-же достоверность, как и «признания» самих подсудимых. Привлечение этих людей в качестве свидетелей, а не подсудимых, лишь еще больше компрометирует процесс, сграведливо, создавая впечатление искусственного распределения ролей.

В высшей степени невероятным представляется и состав преступления. Люди, всю жизнь свою посвятившие революции и социализму, вдруг объявляют себя контр-революционерами и фашистами. Был момент, когда это слово застряло в горле у Зиновьева: он как будто и признавался, что фашист, но как-то «не совсем», без пяти минут. Но прокурор набросился на него и не оставил его в покое, пока не добился «признания» в том, что он, Зиновьев, фашист стопроцентный. Что-же, г. Притт рекомендует и это «признание» принять всерьез? Или сказать, что, оставаясь «субъективно» революционерами, они «объективно» стали фашистами? Но, почему-же они сами не догадываются сказать об этом? Почему они не стараются какнибудь смягчить свою вину, говоря, что просто ошиблись? Но нет! И на предварительном следствии, и здесь, на процессе, они, отвечая на вопросы прокурора, говорили и говорят, что не руководились какими либо политическими мотивами, а были просто «бандитами». Зачем нужно им отказываться от возможной политической мотивировки своих преступлений? Любой бандит с жадностью схватился бы за возможность объяснить свои преступления политическими мотивами, а они, известные политические деятели, по требованию прокурора от этого отказываются. Где тут логика? Где тут смысл? Если бы прокурор был настоящим прокурором настоящего процесса он в этой явной бессмыслице должен был бы усмотреть

ползущих из Советского Союза слухах о предстоящей «весне», которая, оставляя неприкосновенным и даже укрепляя политический режим единодержавия, укрывается новыми социальными и экономическими уступками — прежде всего крестьянскими массами и собственническими интересами этих масс — хоть сколько-нибудь примирить со сталинской диктатурой массовую народную стихию, от настроения и поведения которой в грозный час военного испытания будет зависеть судьба сталинского режима. И каким характерным для сталинского режима и тревожным для судеб революции симптомом является тот факт, что на пролетарском полюсе советской «общественности» сталинская диктатура подготавливает войну лишь теми же методами «уплотнения рабочего дня» и «поднятия дисциплины», как и ее фашистские и фашиствующие антагонисты!

К той же категории мероприятий следует, очевидно, отнести и реформу партии, которую предполагается провести на созываемом на 10 марта — после 5-летнего перерыва! — партийном съезде. Тезисы доклада Жданова об изменениях в уставе ВКП («Правда», 1 февраля) дают ясное представление о характере этой реформы.

Уничтожение различия в условиях принятия в партию между рабочими, крестьянами и интеллигенцией, мотивируемое «отмиранием классов» в СССР и «завершением» строительства социализма; подробное фиксирование «прав» членов партии; отмена массовых чисток, ликвидация «огурдных исключений» из партии и облегчение восстановления исключенных в правах членов партии; отмена требования «усвоения» программы для приема в партию и предъявление кандидатам лишь требования ее «признания»; тайное голосование при выборах партийных органов (с предварительным явным на-

мечением кандидатов!); введение в «схему центральных организаций партии — Съезд партии, ЦК ВКП» нового органа — Всесоюзной партийной конференции, созываемой не реже одного раза в год для «обсуждения назревших вопросов политики партии», с предоставлением этой конференции «права вывода из состава ЦК отдельных членов ЦК» с заменой их другими из числа кандидатов, избранных съездом, «в количестве не более одной пятой состава ЦК», с тем притом, что такого рода организационные решения конференции, в противоположность другим, политическим решениям ее, в утверждении ЦК не нуждаются; предоставление первичным партийным организациям производственных учреждений (за исключением организаций чиновнических, наркоматских, секретари которых, между прочим, должны утверждаться ЦК) права контроля над «состоянием дел» в этих учреждениях, но зато ликвидация «производственно-отраслевых» отделов ЦК, за исключением сельско-хозяйственного и школьного, и централизация в аппарате ЦК «подбора кадров», организационно-инструкторского и агитационно-пропагандистского дела, а также контроля за выполнением решений ЦК; — вот главное содержание «реформы».

Как видим, по основному смыслу своему предполагаемая реформа сводится к октроированию своего рода «сталинской конституции» в партии, к введению в партийную жизнь такой же «самой совершенной демократии», какая была введена два с четвертью года тому назад в обще-политическую жизнь страны: параллелизм полнейший! И как тогда, возникшая на почве внутреннего развития страны потребность сталинского единодержавия заменить исчезающую революционно-пролетарскую базу большевистской диктатуры новой, «общенародной» базой и прикрыть все возрастающее отчуждение народных масс и их усиливающуюся враждеб-

злую волю подсудимых компрометировать процесс и старался бы заставить их свести концы с концами в своих «признаниях». Но здесь, выполняя сам волю незадачливого режиссера, прокурор именно бессмыслицы и добивается!

Вообще, ни логический, ни психологический анализ не входит в задачи этого «прокурора». Как и при каких условиях бывшие революционеры превратились в «фашистов»? И почему они не защищают своих фашистских убеждений? Или, быть может, они успели уже проделать обратную эволюцию — от фашизма к революции? Но опять-таки — как и при каких условиях? Что заставило их, политических деятелей и вождей, стать бандитами? На процессе все это объяснялось одной сакраментальной фразой: «логика борьбы». Но почему же они боролись, если поверить их собственным показаниям, что никаких причин для борьбы не было, что экономическое положение масс непрерывно улучшалось, социализм побеждал, не было ни голода, ни ошибок власти, ни жестокостей, ни опасностей для страны и для революции от устанавливавшегося режима? Но ведь на самом деле все это было и есть. Это факты и вещи, которые мы, иностранцы — старожилы, знаем, если не так наглядно, как 160 миллионов сталинских подданных, то во всяком случае достаточно точно, чтобы не признавать их несуществующими на основании слов подсудимых. Но, если они в этом случае говорят такую явную для нас ложь, то почему мы должны верить, что они говорят правду об убийстве Кирова или о том, что им нужны были какие-то директивы Троцкого об убийстве Сталина или его благословение на другие преступления, которых они к тому же не совершили?

Об убийстве Кирова и прочем.

Когда через год Леон Фейхтвангер, еще во время августовского процесса считавший, вместе с другими, по его признанию, «довольно разумными людьми», предъявленные на нем обвинения «не заслуживающими доверия», а самый процесс «какой-то театральной инсценировкой, поставленной с необычайно жутким, предельным искусством», был допущен в зал суда над Пятаковым, Сокольниковым и Радекком, «прозрел» и увидел все свои сомнения «растворившимися как соль в воде», — то он еще мог и впрямь поверить в «самую совершенную конституцию», при которой, конечно, невозможны никакие инквизиторские процессы, мог поверить и в «явный успех начинаний Сталина», которому де хотели помешать подсудимые, и в другие расказы окружавших его, о ффициального гостя ГПУ, «советских людей» насчет того, как «вся великая страна дышет счастьем», как им (надо думать, чекистам) живется с каждым днем все лучше, как они, подобно садовникам, идут в универмаги, чтобы взглянуть на плоды посаженных ими растений, и с каким терпением и какою радостью переносят они кое-какие лишения и неудобства, зная, как аккуратно и в срок выполняет Сталин все свои обещания. Всему этому и еще многому другому могли поверить и Фейхтвангер, и Притт, поскольку они согласились принимать за чистую монету все, что им преподносят замаскированные в «советских людей» чекисты или находящиеся под бдительным контролем ГПУ подхалимы и пленники.

Но зачем приглашены в зал суда мы, иностранцы, долгие годы жившие в Советской России? Для того-ли, чтобы узнать из уст подсудимых, что они убили Ки-

ность этому единодежавию демократически - плебисцитарным плащем была стимулирована тем существенным изменением международной обстановки, какое означал для Советского Союза и для сталинского режима приход фашизма к власти в Германии, — так и теперь предвоенные обстоятельства заставляют ускорить и, быть может, сделать более яркой и кричащей «реформу» партии, необходимость которой вытекает опять-таки из внутренних условий развития сталинского единодержавия и которая, как в свое время и «сталинская конституция», имеет задачей, вопреки своей ультра-демократической внешности, это единодержавие не ликвидировать и даже не ослабить, а, наоборот, плебисцитарно укрепить и увековечить.

Своей кровавой расправой со всей старой гвардией большевизма Сталин, несомненно, восстановил против себя всю старую партию, как она сложилась не только в предреволюционную эпоху, но и в героические годы борьбы большевистской революции за самоутверждение и за победу. Только наивные люди могут считать то гомерическое и в самой карикатурности своей подозрительное низкопоклонство, которым терроризированные члены партии, ее руководящие центральные и местные штабы, ее теоретики и публицисты отвечают на эту правду, выражением их истинных чувств к «величайшему гению всех времен и народов»: сам диктатор, конечно, хорошо знает и, главное, на практике чувствует, каким мало продуктивным и ненадежным орудием становится в его руках организационно и морально разбитый старый партийный аппарат, и какую необходимостью делается для него обновление этого аппарата, «примирение» с партией.

Утопив в крови и грязи «старый большевизм», Сталин убил и старо-большевистскую, «ленинскую» партию. Ему приходится строить «партию», этот, для него,

как для всякого «тоталитарного» диктатора, важнейший рычаг властвования, на совершенно новых основаниях. Те демократические организационные принципы, на которых отныне должна формально строиться ВКП и которые так же роднят ее будущей устав с уставом любой социалдемократической партии, как демократические принципы «сталинской конституции» роднят ее с конституцией любой демократической страны, — не имеют, разумеется, ничего общего с теми авторитарными принципами, на которых хотел строить партию Ленин и которые и недавно вышедший «краткий курс» партийной истории восхваляет, как счастливую особенность построенной им партии «нового типа». «Ленинской» партии сталинские расправы нанесли смертельный удар, сталинский устав должен ее добить. «Ленинская» партия, этот специфический продукт до-революционных российских условий и условий развертывания русской революции, умирает. И вопрос лишь в том, что придет ей на смену: демократическая партия революционного социализма или плебисцитарная партия сталинской контр-революции?

Как видим, и этот вопрос совершенно параллелен тому вопросу, который заставила поставить «сталинская конституция». Только параллельным может быть и ответ. Как в судьбах сталинской конституции все зависит от того, найдутся-ли и когда найдутся в народных массах Советского Союза силы, способные овладеть теми демократическими рычагами, которые им пока лишь формально, лишь «на бумаге» дает эта конституция, и превратить эти рычаги в орудия демократической ликвидации сталинского единодержавия, — точно так же и значение нового устава ВКП будет целиком определяться тем, найдутся-ли и когда найдутся внутри партии силы, способные наполнить новую, демократическую форму партийной организации но-

рова, или для того, чтобы услышать из тех-же уст, как счастливо живет страна, и как преступно поэтому мешать чекистскому «социализму»? Это годится, может быть, для г. Притта, но не годится для нас. Потому что, если, избегая одной мнимой загадки («ложные признания»), и встать на точку зрения г. Притта и Фейхтвангера, «единственных представителей западной интеллигенции» на московских процессах (по строгой терминологии Москвы в это понятие не входим не только мы, «буржуазные корреспонденты», но не входят и иностранные коммунисты, выставляя которых в качестве объективных свидетелей, надо полагать, признано неудобным); если и допустить, что признания, в таком виде, как они были сделаны, соответствуют истине, то пришлось бы не просто очутиться перед бесконечным количеством других и на этот раз абсолютно необъяснимых загадок, но еще увидеть все факты и события, заполняющие целые десятилетия, опрокинутыми на голову, как это бывает в магической комнате или в сумасшедшем мозгу. Легко писать дифирамбы и апологии после десятидневного пребывания в гостях у тароватых чекистов, но в конечном итоге это выйдет смешно, а перед историей, ради которой и хотелось оказать услугу, — позорно.

Г. Притт может, разумеется, игнорировать и другие странности этого процесса. Он может не обращать внимания на психологию подсудимых, которые как будто несколько не удручены своим позорным положением и в большинстве своем имеют вид людей, выполняющих здесь, на процессе, какую-то высокую гражданскую миссию, — психологию, на каждом шагу опровергающую содержание их же собственных признаний. Он может не обращать внимания и на более чем странное по-

ведение прокурора, добывающегося лишь точного повторения и подтверждения со стороны подсудимых того, что ими сказано на предварительном следствии. В этом отношении прокурор шепетилен и педант: его интересует точное совпадение слов и фраз, но он тотчас-же резко обрывает подсудимых, если они случайно выходят за пределы своих «предварительных» признаний. В эти редкие минуты перед нами как бы приоткрывается завеса и быстро проносятся отрывками кинематографической картины слова осмысленные, факты, похожие на реальные, события, о которых страна не знает. Но это продолжается лишь краткими минутами, во время которых хочется вскочить и крикнуть: «вот это было бы интересно узнать!» или: «почему вы их обрываете? Дайте говорить, прекратите безобразие!» Но лицо, играющее роль прокурора, боится, как огня, всякого расширения общей картины, прояснения фона, уточнения сопутствующих явлений психологического анализа. Иногда прокурор все же попадает в затруднительное положение, наталкиваясь на черзчур неприятные для него и невероятные «признания». Тогда спешат ему на помощь сами подсудимые, смягчая противоречия и спасая таким образом процесс от провала...

Г. Притт «имеет право» не понимать и одной знаменательной фразы Смирнова, которой в отчете о процессе нет, но которая весит политически больше, чем все томы отчетов о московских процессах. О ней стоит рассказать.

Смирнов отказывается признаться в том, что оппозиция организовывала террористические группировки. Тогда прокурор, желая уличить его во лжи, устраивает одну из своих «исторических сцен». Он обращается по очереди к другим подсудимым с категорическим вопро-

вым, подлинно демократическим содержанием.

Исход борьбы между плебисцитарными тенденциями сталинского единодержавия и демократическими тенденциями, которые самый ход и советского, и международного развития неизбежно должен порождать и возрождать в трудящихся массах Советского Союза, отнюдь нельзя считать заранее предрешенным. К стимулированию и организации этих демократических тенденций во

всяком случае должны быть направлены усилия всего, что есть сознательного и социалистического в Советском Союзе. И чем ближе, чем грознее надвигается военная опасность, тем настойчивее надо подчеркивать, что на этом, и только на этом пути — спасение демократии и социализма в Советском Союзе, так необходимое и для спасения советской страны от военного разгрома, и для спасения демократии и социализма во всем мире.

А. ЮГОВ.

План третьей пятилетки

Опубликован проект третьей пятилетки. Это могло бы быть очень важным событием в жизни СССР. Но пока что оно не только во всем мире, но и в самом Союзе не вызвало интереса, сколько-нибудь напоминающего времена первой пятилетки.

За протекшие 10 лет многое изменилось. Первая пятилетка выработывалась в атмосфере напряженного интереса, горячих споров о методах планирования, о принципах развития, о посильных темпах. Шесть проектов последовательно сменили друг друга. Борьба принимала такие ожесточенные формы, что победил в мае 1929 года так наз. «оптимальный вариант» лишь после разгрома Госплана и Конъюнктурного Института.

Проект третьей пятилетки выработан в тиши канцелярий Политбюро. Ни до опубликования его, и можно не сомневаться, что и после обнародования проекта, ни в одном советском органе не появится ни одной серьезной критической статьи и, уж во всяком случае, не будет выдвинут ни один контр-проект.

Десять лет тому назад первый план хозяйственного строительства и своими социалистическими задачами и своими темпами вызвал в самых широких кругах населения острый интерес и громадные надежды. Даже из тех, кто сомневались, иные таили надежды. А многие гуськи, особенно из молодежи, искренне верили в чудодейственную силу пятилетки, горячо надеялись, что, после ее осуществления, станет лучше жить, и ради ее осуществления они жертвенно несли свою молодую энергию и свою жизнь.

Сейчас вокруг третьей пятилетки нет ничего, кроме скучных обязательных передовиц и казенных восторгов стахановцев. Жестокий опыт планов, осуществляемых по принципам и по методам большевистских диктаторов, убил и надежды и героический энтузиазм. Если раньше широкие массы искренне верили, что после осуществления первой пятилетки «все будут летать на самолетах, а из золота будут строить общественные уборные», то теперь преобладающим настроением является

сом: «убили они Кирова или нет?» Вставая один за другим, при жутком напряжении зала, подсудимые повторяют свои таинственные «да». Тогда прокурор с победоносным видом, иронически улыбаясь, обращается к Смирнову: «Вы слышали? Что вы на это скажете?» Стоявший перед микрофоном и облокотившийся на барьер Смирнов обвел тогда печальным взглядом товарищей по несчастью, помолчал немного и, слегка опрокинув голову назад, твердо сказал:

«Нет, я в это не верю. Убийство Кирова было нашим несчастьем».

Этой фразы г. Притт имеет право и не понимать. Ведь он не знает истории послевоенной России, политической ситуации в стране за последнее десятилетие; не знает, как в годы голода и перед убийством Кирова быстро нарастали оппозиционные настроения, и почему убийство Кирова или любого другого деятеля из окружения Сталина могло лишь положить конец благоприятно складывавшейся для оппозиции ситуации и быть выгодным только Сталину; он не подозревает и того, что сам Киров за последние годы своей жизни постепенно переходил к фактической оппозиции Сталину и становился внутри ЦК центром все более оформлявшегося демократического и реформаторски настроенного течения, и что поэтому из ближайшего окружения Сталина он был самым приемлемым для оппозиции человеком.

Правда, тогда никто — ни г. Притт, ни мы, ни кто либо другой не могли предвидеть, что через некоторое время в этом же самом зале будет признаваться в этом же убийстве не кто иной, как тогда еще всесильный глава ГПУ и главный инсценировщик августовского процесса, Генрих Ягода! Но и тогда уже были известны факты и обстоятельства, делавшие убийство Кирова в

высшей степени загадочным и совершенно исключавшие возможность того, чтобы закаленное в борьбе, смертельно опасавшееся новых ошибок и находившееся под непрерывным наблюдением руководство оппозиции могло придти к выводу о необходимости совершения бессмысленного и вредного для его интересов убийства. Мысль о таком преступлении, если только оно вообще не было результатом прямой провокации или актом личной мести, могла бы появиться лишь в раздраженном мозгу отдельного протестанта, как отголосок обид и стихийных террористических настроений, вполне объяснимых и неизбежных в остром политическом положении, созданном сталинским режимом.

...Сидя рядом с Приттом в невысоком зале квартетных концертов дворца профессиональных союзов, которому суждено, быть может, когда-нибудь стать музеем чекистского произвола, или встречаясь с ним во время перерывов кошмарного судебного преступления в освежающих голову обширных залах фойе, я и не пытаюсь высказать ему какие-либо свои недоумения или поставить ему какие-либо вопросы. После убийства Кирова любой разговор или обмен мнениями даже нас, старожил-иностранцев, с приезжающими в Москву новичками, если только он не созвучен сталинской «объективной правде о СССР», считается на чекистском жаргоне «шпионажем». Эти и другие законы «революции» я, по возможности, стараюсь соблюдать и, будучи в Москве, ни с г. Приттом, ни с г. Фейхвангером разговаривать не собираюсь. Пускай их информируют храбрые «советские люди», не боящиеся к ним подойти!.

Но здесь я хотел бы поставить г. Притту вопрос: что думает он об упомянутых выше таинственных заявлениях Каменева и Зиновьева, поступивших в распоряжение

недоверие даже к тому, обеспечит ли третья пятилетка пропитание и жилище трудящимся.

Так в атмосфере безразличия и бюрократических восторгов родилась третья пятилетка. Политбюро уже проект санкционировало. Штемпеля съезда ВКП и Совнаркома будут положены в ближайшее время.

Что же представляет собою третья пятилетка? Что она несет стране и населению?

Мы внимательно изучили новый план и не нашли в нем не только конструктивных задач или творческих идей, но даже и тех минимальных условий, которым должен удовлетворять всякий план развития народного хозяйства. То, что опубликовано, как проект плана, не дает ни системы хозяйства, ни плана развития, ни баланса производства и потребления. Скопирована, хотя и неудачно, лишь внешняя форма былых планов.

Мы думаем, что причина отказа от дерзаний и больших задач в том, что новый план, по существу, подчинен одной задаче: делу обороны страны. Все хозяйство поставлено на служение этой цели. Все остальное лишь обязательная фразеология, лишь ненужная маскировка. Хотя автор пятилетки пишет: «Третья пятилетка — это пятилетка машиностроения». «Третья пятилетка — это пятилетка специальных сталей». «Третья пятилетка — это пятилетка химии». Но единственно правильное название третьей пятилетки — это пятилетка организации военной обороны страны. Все цифры плана, как ранее цифры бюджета 1939 г., свидетельствуют об этом с предельной ясностью.

Три основные задачи, по докладу В. Молотова, ставит себе третья пятилетка. «Догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны». «Поднять народное потребление в 1½-2 раза». «Обеспечить бесперебойный подъем индустрии в соответствии с общегосударственными планами, осо-

бенно в условиях нарастания агрессивных сил империализма... создать крупные государственные резервы по топливу, электроэнергии и оборонным производствам, а также по развитию транспорта...»

Первые две задачи ничего нового не представляют и, как мы покажем дальше, они не нашли сколько-нибудь серьезного отражения в планах. Лишь последней задаче, как генеральной, подчинены все директивы пятилетки.

Быть может, интересами обороны отчасти объясняется скудость сведений, на этот раз опубликованных. Хотя внимательное ознакомление с материалом показывает, что немалую роль играет также боязнь власти вскрыть свои хозяйственные просчеты и политические преступления.

Подойдем ближе, к опубликованным цифрам и подвергнем их анализу, из-за недостатка места, хотя бы беглому. Первый план был опубликован в 3 томах. План второй пятилетки тоже в трех томах дал детальный цифровой материал. Для третьей пятилетки лишь газетная статья, с одной таблицей и с случайными данными, рассеянными в тексте. Но все же по 20 основным отраслям пришлось дать цифры плана на 1942 г. и процент роста по отношению к исходному — 1937 году. Последнее обстоятельство дало нам, прежде всего, возможность исчислить итоги работы индустрии за 1937 г. и устранить еще одну тайну советской экономики.

Сравнивая итоги с планами второй пятилетки, мы раньше всего устанавливаем, что ни по одной основной отрасли индустрии, кроме добычи угля, план второй пятилетки не был выполнен, при том весьма существенно. Приведем несколько примеров. По чугуну план был выполнен на 80%, по цементу на

суда, но, в нарушение процессуального кодекса, на суде не оглашенных? Если даже в его глазах никакие приведенные выше доводы не могут поколебать юридического факта признаний, то что думает он о не менее юридическом факте нарушения процессуального права? Мы уже указывали: существует версия, достаточно обоснованная, согласно которой в этих документах Каменев и Зиновьев заявляли, что согласились дать требуемые «признания» лишь в порядке партийной дисциплины, по личному настоянию Сталина, считавшего необходимым, вместо раскрытия на процессах того, что на деле было или не было за последнее десятилетие в России, провести этим оригинальным путем борьбу против Троцкого и других «врагов народа». Эта версия камня на камне не оставляет, правда, от законности процессов и приговоров, но она ставит на ноги опрокинутые на голову всем известные факты и события, объясняет бесконечные парадоксы процесса и бросает свет и на многие другие, не менее парадоксальные, крупнейшие события, имевшие место в России после августовского процесса 1936 года. Что думает об этой версии г. Притт? Не пора ли ему признать, что он сам, и не будучи подсудимым, стал, без всякого гипноза и принуждения, жертвой чекистского обмана и внушения, согласившись стать апологетом явного юридического преступления?

Перейдем теперь к фактам, доказывающим существование предварительного сговора об «условности» признаний и на процессе второй группы вождей оппозиции, в январе 1937 года.

Письмо Радека.

Сейчас же после процесса Радека по Москве распро-

странились слухи, что Радек послал из тюрьмы какое-то письмо Сталину и «признался» лишь после того, как получил от него ответ. Говорили, что письмо было на 37 страницах.

Неожиданное и вполне авторитетное подтверждение этого слух получил в рассказе Фейхтвангера об его встрече со Сталиным. Книга Фейхтвангера издана в России по приказу Сталина и после тщательной проверки ее содержания. В предисловии, проредактированном Сталиным, имеется беглое критическое замечание о «ряде ошибок и неправильных оценок», в которых однако «легко может разобраться советский читатель». Это замечание, очевидно, не относится к тому, что Ф. рассказывает о своей встрече со Сталиным. Если бы в передаче слов Сталина или других организаторов процесса (речь идет явно о том же Сталине) была малейшая ошибка, книга не могла бы выйти в таком виде в России, — не говоря уже о том, что «советский читатель» вообще не мог бы в такой ошибке «разобраться», а не то что «легко». Эту часть книги Ф. мы можем и обязаны принять всерьез и даже как документ. А к ней относится и следующее место: «он (Сталин) рассказал о длинном письме, которое написал ему Радек и в котором тот заверял в своей невиновности, приводя множество лживых доводов; однако, на другой день, под давлением свидетельских показаний и улик, Радек сознался» (разрядка наша).

Этот рассказ следует сопоставить с тем, что говорил Радек на процессе о том, как он «признался». В течение целых трех месяцев, говорил Радек, я не признавался и даже «пытал следователя» тем, что заставлял его предъявлять все новые и новые «улики». Но как-то —

74%, по нефти на 65%, по вагонам на 55%, по хлопчатобумажным тканям на 60%.

Несмотря на то, что «большевикам все посилено», темпы оказались невыполнены и в силу объективных экономических причин, на которые в свое время указывали работники первого Госплана, и в силу разгрома руководства, который осуществила советская власть в борьбе с «вредителями».

Анализ темпов, намеченных для третьей пятилетки позволяет с удовлетворением отметить значительные пониженные на этот раз директивы Политбюро.

План и сейчас намечает грандиозные темпы, но они все же почти по всем отраслям ниже темпов первой и второй пятилеток. В то время, как первая пятилетка определяла для тяжелой индустрии рост в 304%, вторая — в 260%, третья — в 203%. По машиностроению — первая: 500%, вторая: 322%, третья: 225%. По химии — первая: 600%, вторая: 300%, третья: 227%. Электроэнергия — первая: 440%, вторая: 283%, третья: 206%. Цемент — первая: 460%, вторая: 215%, третья: 153%.

В связи с задачами обороны вновь резко на первый план выдвинута задача увеличения продукции создающей орудия производства. Наибольшие темпы намечены для машиностроения и химии, при этом прямо сказано, что это делается в интересах обороны. Эти отрасли должны дать в 2,25 раза больше продукции в 1942 г., чем в 1937 г. Столь же грандиозны темпы автомотостроения, добычи цемента. В интересах обороны в глубине России создается ряд новых центров по производству электроэнергии для питания индустриальных центров. Для угля, чугуна, стали темпы намечены высокие, но ниже, чем в период второй пятилетки. Быть может, реальная угроза войны заставила с большим вниманием отнестись к предостере-

жению тех, кто указывал, что, за определенным пределом, темпы превращаются во вредительскую дезорганизацию самого производства.

Для легкой индустрии намечены темпы роста не превышающие 40, 50 и 60% за пять лет.

Доклад Молотова многократно подчеркивает, что задача третьей пятилетки не только «покрытие текущей потребности, но и создание государственных резервов». Само собою разумеется, что о плане деятельности старых и вновь образованных оборонных комиссариатов в докладе нет ни одного слова.

Второй идеей новой пятилетки является задача «догнать и перегнать передовые страны в экономическом отношении». Эта идея не нова. В период генеральной линии директива «догнать и перегнать» уже определяла работу советского хозяйства. И уже не раз экономисты нового Госплана опубликовывали таблицы, смысл которых был: СССР на первом месте по таким-то отраслям и на втором по таким-то. Обогнали уже Францию по машиностроению, Германию по обработке леса и т. п.

Сейчас из доклада Молотова выясняется, что в СССР, наконец, поняли, что «общий размер производимой продукции еще не определяет экономического уровня страны». Верная, но весьма элементарная мысль. Мы в нашей книге «Пятилетка» (стр. 65), изданной еще в 1929 г. привели специальную таблицу электроэнергии, угля, металла и пр., приходившихся на душу населения России и других стран, чтобы показать, как долго путь, который еще предстоит России, чтобы стать экономически передовой страной, несмотря на все успехи пятилетки.

Но руководителям СССР нужно было 10 лет вредного бахвальства, чтобы наконец понять, что, имея население в 4 раза больше Франции или в 2 раза больше Герма-

это было 5 или 6 декабря — он сказал следователю: «прекрасно, я завтра признаюсь». И в самом деле, на следующий день он признался, притом с такою полнотою и законченностью, что после этого, как он сам подчеркивал, не пришлось менять ни слова. Только Бухарин он тогда не выдал, потому что «не мог привести его связанным в ГПУ» (Бухарин был тогда еще на свободе). В другом месте своих показаний Радек, обращаясь скорее к публике, чем к прокурору, прямо кричал в зал, стуча себе в грудь: «не забываете, что это я выдал план Троцкого!»

Все это казалось тогда очень странным. Почему Радек три месяца имеет возможность не признаваться, а вдруг, ни с того, ни с сего, говорит: «завтра признаюсь», и признается после этого так, что от его признаний весь мир трещит? И почему собственно он пытал следователя, а не следователь его? Радек объясняет все это тем, что он хотел проверить, все-ли известно следствию. Но «план Троцкого» — переговоры Троцкого с Гитлером относительно организации войны против СССР и мандат его, Радека, на ведение этих переговоров, — т. е. самое главное и почти единственно компрометирующее его лично преступление, выдал он сам! До его признаний следствие, очевидно, о нем ничего не знало. И почему именно на «завтра» назначил Радек время своих признаний?

Неосторожный рассказ Сталина, переданный Фейхтвангером, полностью раскрывает эту тайну.

Из этого рассказа вытекает, во-первых, что письмо Радека, о котором говорили московские слухи сейчас же после январьского процесса, было и в самом деле отправлено Сталину из тюрьмы, и что оно и вправду было «длинным». Во-вторых: письмо было отправлено

накануне признаний Радека (по словам Сталина — «на другой день он признался»), т. е. 5 или 6 декабря, в тот самый день, когда Радек говорил следователю: завтра признаюсь. В-третьих: в этом письме Радек врать не мог. Сидя перед следователем, он мог «пытать» его и, в интересах самозащиты, «приводить массу лживых доводов», мог мучиться «своей интеллектуальной любовью к Бухарину» или выдумывать разные «планы Троцкого»; сидя перед таким следователем, Радек имел право выкидывать любые фокусы и штуки, и, быть может, даже не без удовольствия. Но какой смысл имело бы для него повторять все это «вранье» в письме к Сталину, накануне признаний и, может быть, смерти?

Про него говорят, что он способен на все, что он циник. Я его мало знаю и судить об этом не могу. Но цинизм здесь вообще не причем, — здесь абсолютная бессмыслица. Если Радек знал, после той «пытки», которой он подвергал следователя, что в его распоряжении находятся неопровержимые улики; если, как утверждает в другом месте Фейхтвангер (со слов «советских людей», т. е. вероятно, того-же Сталина), отрицание было для подсудимых совершенно бессмысленно, так как перед ними лежал «весьма внушительный следственный материал, изобличающий их полностью и до конца»; если были и документы, и показания, и масса деталей; — то, во-первых, как мог Радек отказываться в течение трех месяцев от признаний, и, во-вторых, зачем нужно было ему повторять в длинном письме к Сталину бессмысленную и бессмысленную «ложь» — с тем, чтобы сейчас-же после этого «признаться»? Это абсолютно невозможно! Письмо Радека не могло быть шутовским. Оно было важнейшим политическим документом, в котором Радек наверное доказывал не только и не столько необосно-

нии, СССР недостаточно производить угля или металла столько же, сколько они, чтобы иметь основание утверждать свое экономическое равенство.

Но и сейчас советская власть не говорит правды!

Молотов обманывает несведущих людей, когда обещает за период третьей пятилетки обогнать передовые промышленные страны. Эта задача заведомо не будет выполнена. Возьмем для примера — чугун. Сейчас его в СССР производится на душу около 85,3 кг., а во Франции — около 187 кг. на душу. Если даже план пятилетки будет полностью выполнен, то в 1942 г. на душу населения в СССР будет около 118 кг. Ясно, что Франция останется намного впереди, даже если ее продукция чугуна будет в предстоящие 5 лет расти незначительно.

Так же примерно обстоит дело и в отношении других продуктов и в отношении других стран. Важная задача поставленная перед страной может быть разрешена не рекордсменством, не бракоделанием, не фальшивыми отчетами и ложными планами. Для этого требуется громадный труд, общее повышение культуры, рост благосостояния трудящихся, и эта задача может быть выполнена не в одну или три пятилетки, а за период значительно больший.

Эту правду надо понять. Ее надо честно сказать населению.

Третьей задачей пятилетки намечается увеличение потребления населения. Мы узнаем, во-первых, что за период второй пятилетки потребление увеличилось в 2 раза и что задача третьей пятилетки увеличить его еще в 1½-2 раза.

За последние годы потребление и городского и сельского населения несколько увеличилось. В магазинах и на базарах появились товары, покупательная способность населения повысилась. Но надо же иметь чувство

ванность нелепых обвинений, сколько политический вред самих процессов. Лживыми могли быть поэтому не доводы Радека, а лишь уверения самого Сталина, с серьезным видом подносимые доверчивому (?) Фейхтвангеру.

Но дальше: на другой день после посылки письма Радек признается. Почему? Сталин говорит: «под давлением свидетельских показаний и улик». Каких показаний и каких улик? Тех самых, лживость которых он только что доказывал Сталину? А по рассказу Радека на процессе мы знаем, что никаких новых улик со времени отправки письма не было и быть могло. Радек обещал: «завтра признаюсь», после чего ни он не «пытал» следователя, ни следователь не мучал его «уликами». За последние сутки перед признанием могло быть все, что угодно: идиллия, мир, субботний отдых, моральные терзания над тем, выдавать-ли Бухарина или нет, размышления о том, как составить «план Троцкого» так, чтобы потом не вносить в него никаких изменений, — и только одного не могло быть: новых улик и новых свидетельских показаний! Нет, под давлением «улик», старых или новых, Радек признаться не мог. Сталин опять солгал! Сказав одну единственную правду о закулисах процесса — о письме Радека, он тут-же дважды солгал: один раз о «лживых доводах» Радека в пользу его невиновности, и другой — о признании Радека под давлением фантастических «улик и свидетельских показаний». Можно только поблагодарить Сталина и Фейхтвангера за такое явное саморазоблачение!

Но что-же случилось? Почему Радек все-таки признался? Тут возможно лишь одно объяснение: доказы-

меры! Можно ли говорить о повышении в 2 раза? Когда среднее потребление повышается даже на 20% — это воспринимается, как величайшее благо, это ощущается каждым, как рост благосостояния. Наблюдается ли такое настроение в широких массах населения? Конечно, нет!

Но в СССР не могло быть повышения потребления за вторую пятилетку на 100%, хотя бы потому, что производство продуктов потребления не возросло в таких размерах. Производство мануфактуры возросло за это время лишь на 23%, шерстяных тканей на 15%, посуды на 32%, мебели на 40%. Количество пищевых продуктов — хлеба, масла, мяса, овощей возросло на несколько процентов, но во всяком случае не удвоилось. И не случайно Молотов ни слова не сказал о производстве пищевых продуктов в 1937 г.

Столь же несерьезно утверждение, что за третью пятилетку потребление населения увеличится в 1½-2 раза. Каким образом? Ведь авторы пятилетки хорошо знают, что даже планы роста по тканям, по обуви, по бумаге, по сахару и т. д. не превышают 40-44%, а ведь за 5 лет население возрастет на 8-10%, а кроме того, опыт и первой и второй пятилеток показал, что планы по индустрии Б (потребление) выполняются лишь на 60-70%. Характерно, что план на 1942 г. намечает производство лишь 4,9 млрд. метров мануфактуры, в то время, как план 1937 г. намечал 6,2 млрд. метров.

Здесь отказ от максимализма имеет весьма радикальный характер!

О производстве продуктов питания, более того даже о сборах отдельных зерновых продуктов во всей пятилетке нет ни одной конкретной цифры.

После Днепроостроя, Магнитогорска, Текстильного Комбината — авторы третьей пятилетки находят неожиданно необходимым: построение средних и кустарных

вая свою невиновность и вред процессов, Радек в своем письме все-же соглашался, если Сталин будет на том настаивать, подчиниться и «признаться». На это письмо, очевидно, последовал ответ — приказ Сталина признаваться, и притом последовал в тот-же день. Мы не знаем, в какой форме был дан этот ответ. Послан-ли был к Радеку в камеру заслуживающий доверия парламентар, — как это случилось через год, когда из Кремля в Бутырки была отправлена целая «делегация» для ведения каких-то «переговоров» с заключенными там лидерами правой оппозиции? Имела-ли место личная встреча со Сталиным, как это было, по слухам, с Пятаковым? Состоялся-ли прямой телефонный разговор?... Об этом когда-нибудь расскажут свидетели. Но факт закулисного сговора доказан вполне: признания Радека последовали только после непосредственных переговоров между ним и Сталиным, при полной договоренности о том, что по существу они будут ложными.

Получив приказ, Радек сел за работу и с мекфистофельскою виртуозностью состряпал «план Троцкого»... Мы и до сих пор не знаем, сколько-же «пишем» в конце концов получил Радек от Троцкого: три или четыре? На процессе он был очень расположен рассказать нам еще о каком-то четвертом письме. Но «прокурор» ни за что не хотел доставить ему это удовольствие и обрывал его каждый раз, когда он об этом, четвертом письме, заговаривал...

Отметим наконец следующее: встреча Фейхтвангера со Сталиным произошла до январьского процесса, когда, уточняет Ф., «против второй группы троцкистов было

предприятий, которые «смогут работать на местном сырье и местном топливе, пользуясь местным транспортом. И здесь — соображения военного порядка!»

При описанном нами положении, пустой фразой звучат обещания поднять вдвое благосостояние населения!

Имеются, конечно, в плане и обязательные фразы о «завершении бесклассового социалистического общества», о переходе от социализма к коммунизму», но они звучат неуверенно даже в тексте пятилетки.

Одно из великих преступлений большевиков в том, что они лишают смысла, радости и жизни даже самые прекрасные цели. Можно призывать к жертвам и к терпению во имя охраны революционной страны от фашистской угрозы! Но, когда трудящиеся СССР из первой части доклада Молотова узнают, что «в результате успешного выполнения второго 5-летнего плана в СССР окончательно ликвидированы все эксплуататорские классы, полностью уничтожены причины, порождающие эксплуатацию человека человеком и разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых», они не могут не почувствовать, что или их преступно обманывают, или великие цели, во имя которых они приносили героические жертвы, на практике, в действительности оказываются гораздо более серыми, так как, после своего осуществления, они оставляют жизнь масс попрежнему безрадостной, сохраняют попрежнему неравенство, хотя бы под иным названием, по другим делениям.

Такие методы, такая подмена понятий вызывают не только величайшее раздражение против власти, но они гасят активность, порождают обывательский скептицизм и убивают веру в будущее.

возбуждено дело, но никому еще не было известно в точности, какое обвинение им предъявляется и когда и против кого из них будет начат процесс». И тем не менее, «рассказывая подробно об обвинении, предъявленном Пятакову и Радеку, материал которого был в то время еще неизвестен», Сталин доказывал Ф-у (и конечно не ему одному!), что доводы Радека лживы, а обвинения правильны.

Вопрос г. Притту: находит ли он такой порядок, когда Сталин знал, сообщал другим и делал свои выводы до суда, процессуально правильным?

Вопрос Фейхтвангеру: можно ли говорить о независимости суда, когда глава партии, которому, по его же, Фейхтвангера концепции, все находят нужным подчиняться и который одновременно является фактическим главой государства, заранее объявляет, что ложь и что правда в обвинительном или защитительном материале? Ведь слово Сталина — закон! И если Сталин найдет возможным считать подозрения, родившиеся в больном мозгу Ежова (или им самим Ежову внушенные), правильными, а доводы Бухарина и Радека или кого бы то ни было лживыми, то всегда найдутся следователи, прокуроры и судьи, которые будут во что бы то ни стало добиваться признаний, подтверждающих правоту Сталина.

И с известной точки зрения в этом поголовном угождении и подхалимстве можно усмотреть даже нечто большее, чем простую гнусность или нежелание самому сесть на скамью подсудимых в качестве «врага народа»: если считать Сталина, как считает, повидимому, и сам Фейхтвангер, «строителем социализма», а все, что не является стопроцентным сталинизмом, заранее об-

Перед советской Россией сейчас стоит очень важная задача: организация обороны страны. Опубликованный материал третьей пятилетки не дает материала, чтобы определить — будет ли хорошо выполнена эта задача даже в области производственной. Дезорганизация, которую вносила, под предлогом борьбы с «вредителями» или «вредительскими корешками» сама советская власть, и отсутствие независимой критики и народного контроля заставляют нас с тревогой думать и об этой стороне дела.

Но уже с предельной отчетливостью ясно, что советская власть, несмотря на свое революционное происхождение, не понимает, что решающе необходимо для организации успешной обороны страны. Буржуазные власти ради организации обороны прежде всего ограничивают социальное законодательство, увеличивают интенсивность труда. Власть страны революции должна бы идти иными путями. Нужно увеличить связь между властью и широкими массами, нужно, чтобы каждый трудящийся каждый день чувствовал, как велики те блага, которые фашизм ставит под угрозу.

Накануне опубликования третьей пятилетки советская власть издала ряд постановлений, весь смысл которых сводится к решительному ослаблению социальной охраны трудящихся, к существенному ухудшению условий труда. Все это под предлогом борьбы с лодырями и прогульщиками.

Третья пятилетка рождается в условиях, когда власть одновременно говорит пустые речи о ликвидации эксплуатации, о рождении нового человека и понуждает широкие массы трудящихся интенсивнее рабо-

являть «фашизмом» и «контр-революцией», то прощать и даже прикрывать «отдельные ошибки» Сталина становится своего рода долгом «социалистического патриотизма»: он вождь и знает, что делает! Правомочность Сталина в определении того, что правда и что неправда, предопределяет «нормальное» действие всего механизма: начиная от члена Политбюро и кончая последним гражданином, не потерявшим еще способности мыслить, все будут знать, где действительно правда, и тем не менее все будут доказывать себе и другим обратное, оправдывая тоталитарную ложь патриотическими соображениями.

Но — кроме следователей, прокурора и судей, согласившихся считать за правду то, что до них принял за правду вождь партии и государства, в распоряжении Сталина оказались и оппозиционеры, согласившиеся сыграть роль сознающихся подсудимых на процессуальных представлениях. Этого Фейхтвангер не понимает. Но независимо от общей психологии подсудимых-оппозиционеров, порожденной, как мы подробно объясняли выше, их собственным политическим поведением за последние годы, и они могли находиться во власти этого «социалистического патриотизма». А в таком случае так ли уж трудно понять, что и подсудимые, поставленные перед необходимостью отвечать на издевательских и позорных «гласных процессах», могли стараться, со своей точки зрения, нанести как можно меньше вреда родине? Или, по Фейхтвангеру, при социализме одни палачи имеют право быть патриотами?

(Продолжение следует).

Перепечатка воспрещается.

тать под угрозой лишения хлеба и крова.

Мы очень опасаемся, что такими методами не только планы третьей пятилетки не будут выполнены, но и задачи обороны будут осуществлены весьма неудовлетворительно.

Ликвидация эксплуатации и выбрасывание на улицу за получасовое опоздание!

Рождение нового человека и борьба с лодырями! — Это характерно для эпохи третьей пятилетки.

С. ШВАРЦ.

Наступление развертывает я

Наступление на рабочий класс во имя «укрепления трудовой дисциплины» развивается с возрастающей энергией. Организовано оно на этот раз особенно искусно. Наиболее тяжелые удары направляются непосредственно даже не на рабочих, а на — директоров предприятий, не проявляющих достаточной готовности к безоглядной репрессии по отношению к «нарушителям трудовой дисциплины». Как из рога изобилия, сыплются «приказы» наркомов, просто терроризируют и е директоров предприятий и начальников цехов. В этой литературе публикуемых во всеобщее сведение «приказов» целая система воспитания администраторов.

Выговор, строгий выговор, строгий выговор с предупреждением, снятие с должности, перевод на низшую должность так и пестрят в этих приказах. Но бывает и гораздо хуже:

«На Новосибирской швейной фабрике им. ЦК профсоюза швейников начальник 2-го цеха тов. Пильмегов вместо немедленного увольнения прогульщицы Сорокиной дискутировал на собрании бригады вопрос о мере взыскания ей; сам же ограничился «внушением» обывательского толка, пытаясь прикрыться «решением» бригады, вынесшей прогульщице Сорокиной предупреждение. Тот же Пильмегов вместо увольнения опоздавшей на 30 мин. работницы Димитровой ограничился объявлением ей выговора». — К счастью, Наркомлегпром находится в верных руках, и решение наркома твердо: Пильмегова «снять с работы и отдать под суд!» («Правда» от 18-го января).

Но, может быть, прогул и опоздание вызваны уважительными причинами? — Ахъ, так? За «прикрывание» прогульщиков и опаздывающих выискиванием всяких «уважительных» причин — под суд! («Правда» от 14-го января).

Но, может быть, начальник цеха, ознакомившись с причинами невыхода рабочего на работу, действительно убедился в уважительности их и соответственно «оформил» невыход на работу? — Это, пожалуй, еще хуже: за «последующее оформление невыхода на работу по запискам начальников цехов, мастеров и др. — «считать невыход уважительным» — что фактически приводит к сокрытию прогульщиков», — под суд! («Правда» от 17-го января).

Но, может быть, отсутствие рабочего на работе было вызвано серьезными личными причинами и рабочий получил заранее разрешение не являться на работу? — Не тут-то было: за «сокрытие прогулов путем выдачи цеховой администрацией записок с разрешением не являться на работу и необоснованной в этих случаях подмены одного рабочего дня другим» — под суд! («Правда» от 20-го января).

Тема эта варьируется на все лады. Неумолимая репрессия по отношению к нарушителям трудовой дисциплины

объявляется в приказах наркомов «важнейшей обязанностью» или даже «важнейшей государственной обязанностью», а то и «первейшей обязанностью» (приказ Ежова по Наркомводу, «Правда» от 22-го января) руководителей предприятий и цехов. Этой задаче подчиняется все, даже и соображения о сохранении кадров: «некоторые горе-руководители боятся уволить прогульщика, исходя из неправильного представления о том, что если они уволят прогульщика, то, якобы (?), могут иметь затруднения с рабочей силой». Но и для этих «горе-руководителей» действует все то-же правило: под суд! («Правда» от 14-го января).

Число привлеченных таким образом к уголовной ответственности хозяйственников и администраторов очень значительно. В одних лишь приказах наркомов, напечатанных в «Правде», я за 3 недели (с 14-го января, когда появился первый такого рода приказ, по 3-ье февраля) насчитал 42 случая предания суду за покровительство нарушителям трудовой дисциплины. Но упоминание в приказе наркома преследует преимущественно иллюстративные цели, и общее число привлеченных к ответственности по такого рода делам, конечно, значительно выше. По ряду дел вынесены уже и судебные приговоры, и они, как правило, поражают своей суровостью.

Начальник военизированной охраны треста Кагановичефть в Баку Сухенко, обвинявшийся в том, что он «скрыл прогул вахтера Ершова», и начальник конторы измерительных приборов в Баку же Дубограй, «не уволивший слесаря Третьякова, допустившего 2 прогула подряд», отделались еще сравнительно легко: год (для Сухенко) и 6 месяцев (для Дубограя) «принудительных работ», т. е. работы по месту службы, с удержанием 10% из заработной платы («Индустрия» от 28-го января). Но выносятся эти приговоры, Бакинский суд явно еще не знал о вынесенном всего за два дня до того приговоре по делу начальника транспортного цеха завода им. Карла Либкнехта в Днепропетровске Борисова, отданного под суд по первому из наркоматских приказов («Правда» от 14-го января) «за сокрытие (трех) прогульщиков». Борисов был приговорен к 8-ми месяцам «лишения свободы» («Правда» от 26-го января), т. е. к тюремному заключению, и приговор этот приобрел нормативное значение: в последующих приговорах по аналогичным делам всюду уже говорится не о «принудительных работах», а о «лишении свободы».

Нетрудно представить себе, какую эта политика создает обстановку в предприятиях (и учреждениях): терроризированные администраторы в свою очередь терроризируют рабочих и служащих. Уволенные за прогул с (отметкой в трудовой книжке!) исчисляются уже тысячами. На одном лишь средних размеров заводе «Красный пролетарий» в Москве за январь уволено в порядке репрессий 129 человек («Труд» от 2-го февраля), на заводе им. Петровского в Днепропетровске 500 человек («Индустрия» от 2-го февраля). Но самый факт увольнения это, может быть, еще не самое худшее. Гораздо острее ощущается широкими кругами рабочих и служащих та постоянная угроза увольнения, которая висит над ними, тот повседневный гнет казарменной дисциплины, который создается сейчас в предприятиях.

Сейчас советские газеты с удовлетворением сообщают о громадном падении посещаемости амбулаторий, диспансеров и т. п. («на 20-30 и больше процентов»), о «резком сокращении отлучек или уходов в рабочее время под предлогом (!) посещения врача» («Труд» от 5-го февраля; см. также в «Труде» от 3-го февраля данные о сокращении — до 50-ти процентов и выше — числа больничных листков). Рабочие боятся идти к вра-

чу, так как если врач — в свою очередь терроризированный — не признает их больными, они легко попадают в разряд прогульщиков.

Только бы не опоздать — с этой гнетущей мыслью рабочий, большей частью без часов, бежит на работу, с этой же мыслью он впопыхах проглатывает свой обед. «У нас рабочие затрачивают на обед от 15 до 22 минут», с гордостью сообщает заведующий столовой Московского завода «Точизмеритель» («Труд» от 3-го февраля), даже и не догадываясь, каким суровым приговором и заводу, и заводской столовой звучит это признание. А и. о. директора Харьковского Тракторного завода констатирует, что рабочие «иногда даже не успевают пообедать во время перерыва» («Труд» от 2-го февраля). Пообедать не успевают, но на работу зато не опаздывают.

Вся эта политика так резко и откровенно противоречит жизненным интересам рабочего класса, что даже в наших, на что уж замордованных профсоюзах она вызывает что-то вроде глухой оппозиции. Недаром на смерть перепуганный этой оппозицией «Труд» бьет тревогу:

«Многие профсоюзные органы продолжают стоять в стороне от борьбы за укрепление трудовой дисциплины, плетутся в хвосте событий, идут на поводу у администраторов, потакающих дезорганизаторам производства. **Некоторые профсоюзные руководители даже становятся на защиту прогульщиков, настаивают на восстановлении их на работе.**

Председатель одного из цеховых комитетов Константиновского химического завода Дударов всячески защищает прогульщика Воробьева.

Председатель завкома Московского машиностроительного завода «Компрессор» Каштанов добился того, что РКК отменила совершенно правильный приказ об увольнении прогульщика Андреева (а уволен он был, как выясняется из корреспонденции в «Труде»-же, за опоздание на работу, вызванное тем, что он, «ездил встречать родственника, а поезд опоздал». — С. Ш.).

Такую же явно **неправильную противонародную (!) позицию** заняла РКК Харьковской швейной фабрики им. Тинякова. На днях дирекция фабрики уволила 10 прогульщиков. Пять прогульщиков обжаловали приказ дирекции в РКК. К удивлению рабочих **РКК признала увольнение прогульщиков неправильным и потребовала восстановления их на работе.** Заместитель председателя фабкома Стомахина, пытаясь оправдать неправильное решение РКК, заявляет, что к каждому прогульщику должен быть «особый подход».

Эти факты показывают, что **некоторые профруководители подвержены хвостистским настроениям, возрождают трэд-юнионистскую практику.** И надо сказать, что подобное проявление хвостизма не получает своевременного отпора со стороны областных и центральных комитетов профсоюзов» («Труд» от 15-го января, передовая).

Не прошло и двух недель, и передовик «Труда» вновь возвращается к этой щекотливой теме:

«...Есть в профорганах люди, **недостойные высокого звания профсоюзных работников и доверия своих избирателей.** Эти горе-профработники сами нарушают трудовую дисциплину, берут под защиту дезорганизаторов производства, мирятся с теми, кто прикрывает разгильдяев и прогульщиков.

Председатели цеховых комитетов Саратовского завода комбайнов Савкина. Миронов и Мошевитина вместо того, чтобы помогать начальникам цехов укреплять трудовую дисциплину, **взяли под защиту уволенных дезорганизаторов производства.** Председатель завкома этого завода Прокин не только не одернул покровителей прогульщиков, но даже одобрил их противонародные действия. Эти факты свидетельствуют об отрыве от масс профработников Саратовского завода комбайнов, о забвении ими первейшей обязанности советских профработников — крепить трудовую дисциплину. ЦК союза рабочих сельско-хозяйственного машиностроения обязан сделать из этого должные выводы» («Труд» от 26-го января).

«Хвостистские настроения», «возрождение трэд-юнионизма» — как знакомо звучат эти формулы, лишь несколько модернизированные аргументом о «противона-

родной позиции». Но, к счастью, на «оторвавшихся от масс» профработниках Саратовского завода комбайнов земля советская не клином сошлась. И та же передовица «Труда» от 26-го января с удовлетворением отмечает факты совсем иного порядка. Вот, напр., типичный случай:

«Начальник транспортного цеха Днепропетровского коксохимического завода им. Калинина Пашенко взял под защиту нескольких прогульщиков. **Профактивисты разоблачили противозаконные действия покровителя дезорганизаторов производства, и завком дело о нем передал прокуратуре.**

Таких образцов «сознательности», «большевистской активности и непримиримости» профработников не перечтешь (см., напр., «Правду» от 16-го, «Индустрию» от 27-го, «Труд» от 27-го и 28-го января и 2-го февраля). Трудно сказать, насколько широко эти настроения действительно разделяются профсоюзными работниками. О придушенной внутренней борьбе в глубинах профессионального движения мы можем почти лишь догадываться. Но энергичная поддержка со стороны партийного и профсоюзного «руководства» во всяком случае обеспечивает пока официальную победу «большевистской непримиримости» над «трэд-юнионизмом» «защитников дезорганизаторов производства». Победа эта питает в широких массах ощущение своей беззащитности и бессилия пред лицом подавляющей голову социально-политической реакции.

В этой атмосфере и рождается в наиболее обездоленных и придавленных слоях рабочего класса то настроение отчаяния, которое прорывается дикими актами физического насилия над отдельными представителями администрации. За последнее время газеты сообщили о ряде таких фактов. Вероятно, в действительности их гораздо больше, чем можно судить по данным центральной печати. На одном из этих случаев стоит остановиться подробнее.

Слесарь Московского завода № 2 «Мостпласткож» Морозов 5-го января явно работал из рук вон плохо. Заместитель начальника цеха Григорьев «заметил, что Морозов пьян, и предложил ему удалиться с завода. Однако дезорганизатор производства не подчинился и стал угрожать Григорьеву. Несмотря на угрозы, Григорьев потребовал, чтобы Морозов немедленно покинул цех. Тогда Морозов набросился с зубилом в руках на Григорьева»; «окровавленный Григорьев в тяжелом состоянии был отправлен в больницу» («Правда» от 2-го февраля).

Ряд свидетелей показал на суде, что Морозов на разных заводах подвергался взысканиям за пьянство, «хулиганство» и нарушение трудовой дисциплины и был даже однажды осужден за кражу. Но Морозов не стал профессиональным преступником и каждый раз и после увольнения, и после тюрьмы вновь и вновь возвращался к заводской работе. Словом, это типичный представитель рабочих низов, задавленный и деморализованный бедностью и тяжелой бытовой обстановкой. Морозов, кстати, вырос и сложился уже при советской власти, и велика ответственность руководителей светского государства за одичание и асоциальность тысяч Морозовых.

Но об этой своей ответственности руководители «партии и правительства» меньше всего думают. Морозов был предан военному суду, который — в непримиримом противоречии с бесспорно установленной свидетельскими показаниями картиной преступления (см. выше) — признал, что Морозов «совершил террористический акт над заместителем начальника цеха т. Григорьевым, замыслив убить его с целью противодействовать проведению мероприятий партии и со-

ветского правительства по укреплению трудовой дисциплины на производстве», и приговорил Морозова к расстрелу («Правда» от 3-го февраля).

Тут все очевидная и заведомая ложь: и «террористи-

ческий акт», и «замысел» убить Григорьева, и «цель» «противодействовать проведению мероприятий партии» и т. д. Расстрел Морозова это рассчитанное «юридическое» убийство в интересах — «укрепления трудовой дисциплины».

А. ГОРСКИЙ.

О современном антисемитизме

Еще никогда вопрос об еврействе не ставился с такой остротой, как сейчас. И не только, как вопрос о положении и судьбах еврейского народа, но и как вопрос более широкий, общечеловеческий — о моральном облике современного общества, о глубоком кризисе современной культуры.

То, что имеется антисемитизм, то, что в той или иной стране евреев преследуют, грабят или громят, — все это, к сожалению, не ново в истории человечества, вообще столь богатой проявлениями дикости, фанатизма, корысти и глупости. Как часто, напр., в связи с недавними погромами в Германии, приходилось выслушивать сравнения «с самыми мрачными временами средневековья»!

Сравнение не в пользу того, что происходит сейчас. Ведь средние века были эпохой каст и сословий, непрекращающихся войн и жестоких нравов, веры и фанатизма. Евреи были загнаны в гетто, но и не-евреи были втиснуты в сословные перегородки со сложной иерархией бесправия. В обществе, по существу теократическом, евреи, как не-христиане, были неоднократно объектами взрывов дикого фанатизма, особенно тогда, когда нуждающимся в деньгах князьям духовной или светской власти было выгодно натравливать на них народное негодование.

Но не только евреи падали жертвами религиозного фанатизма: их участь разделяли неверные и все изобличенные во всевозможных и весьма многочисленных ересях. Крестовые походы, религиозные войны, костры и казни были средствами внедрения истинной веры и расправы с отступниками. Средства жестокие, но в духе эпохи: ведь самый ничтожный военный конфликт сопровождался уничтожением городов, сжиганием деревень, виселицами и пытками побежденных. Но каковы бы ни были причины и внешние формы этих явлений, средневековый мир верил, фанатически верил и в догматы церкви, и в ереси, и, в частности, во вредоносность иудейства, — так же, как верил в дьявола и колдовство.

То-ли сейчас? Веры, той фанатической веры средневековья, которая двигала людей и на подвиги, и на жестокие расправы с еретиками и евреями, уже давно нет. Она съедена временем. Уничтожена наукой и критикой. Сметена реформой и революцией. Гражданское равноправие и свобода создали новые условия жизни, деятельности, экономической борьбы, в которых еврейство не занимало более положения пария. Конечно, традиционные нелюбовь и недоверие к евреям, как к чужакам, не исчезли, конкуренция эти чувства питала, но никогда еще, по крайней мере в так называемых культурных странах Европы, эти настроения не шли далее агитационного ажиотажа, всегда находившего отпор в рядах самого общества. Антисемитизм, как государственная политика, казался изжитым навсегда.

Тому пример — царская Россия. Мы видели здесь и бесправие евреев, и погромы, и кровавый навет. Но это все было до того «несовременно», что кроме подонков общества, действовавших с благословения по-

лиции, правительство никого не могло увлечь на этот путь. Да и само оно, «перед лицом Европы», старалось спрятать концы в воду.

Сейчас иное дело. Антисемитизм провозгласили составной частью государственной доктрины; он находит последовательное приложение в политике и законодательстве европейских государств фашистского и полуфашистского типа. Подводятся новые основания, «научные», под явление, которое ранее было продуктом невежества, фанатизма или просто корысти. Еврей преследуется и ставится вне закона не как носитель нежелательной или вредной религиозной идеи, даже не как опасный конкурент на экономической почве, а как человек определенной «расы», которая объявляется низшей, вредной, подлежащей искоренению. Все те формы угнетения и насилия, которые знала изобретательная на этот счет история, современные фашистские государства, и в первую очередь Германия, собрали, систематизировали и ввели в действие с рафинированной, холодной расчетливостью, чуждой всякой страсти фанатиков средневековья. Эта продуманная, расчетливая политика преследует многообразные цели: экзальтация идеи «своей высшей расы» — этой идеологической оболочки фашистской экспансии и империализма, — ничинно сожигает с экспроприацией еврейских капиталистов и с разжиганием низменных инстинктов корысти и зависти.

В этом весь ужас государственного антисемитизма, насаждаемого фашизмом и столь ярко символизирующего глубокий внутренний кризис современной цивилизации, отравленной ядовитыми испарениями разлагающегося буржуазного общества. Ужас не только в том, что сегодня сотни тысяч, а завтра, может быть, миллионы евреев — пример Германии заразителен — приносятся в жертву фашистскому молочу. Как это само по себе ни ужасно, основное зло лежит глубже, идет дальше: оно в моральном упадке и вырождении всего общества, в недрах которого возможно нечто подобное. Антисемитизм — только симптом болезни.

Иностранцы наблюдатели последних погромов в Германии единодушно отмечают, что, в своей массе, и немцы, и итальянцы не одобряют антисемитской деятельности своих правительств, что немецкое население не участвовало в погромах, бывших ареной действий только озверелых банд гитлеровских ударников; приводят примеры неодобрительного и сдержанного отношения населения к разгрому магазинов, к избиению евреев.

Это понятно. Слишком трудно современному человеку, даже прошедшему школу и тренировку фашизма, так просто освоиться с нелепой дикостью происходящего. Раньше те или иные меры ограничения экономической или профессиональной деятельности евреев, проводимые в формах легальных и без крайних эксцессов, еще могли кое-кому казаться «обоснованными» — все эти процентные соотношения участия евреев в той или иной профессии с общим количеством еврейского населения, — тем более, что эти меры откры-

зали кое-какие перспективы материального благополучия а, следовательно, могли усыпляюще действовать и на реакцию совести. Правда, и тогда уже было немножко стыдно. Но теперь?

Да, сдержанность и несочувствие граждан III рейха понятны. Понятно и то, что они боятся открыто и гласно выразить свое действительное мнение. Но спрашивается, не делает ли все же это продиктованное страхом молчание этих несочувствующих граждан соучастниками дикой расправы над евреями, сегодня участниками невольными и подневольными, а завтра, когда молчание станет еще более укоренившейся привычкой, когда власть потребует и внешнего проявления одобрения, когда, наконец, померещится хоть призрак какой-либо выгоды, — уже участниками сознательными, развращенными систематическим страхом и деспотизмом власти, готовыми принять и одобрить все, что угодно фашистским деспотам, хотя трудно себе представить что либо, еще более чудовищное чем то, что мы видели сейчас?

Именно в этом — в этом развращении общественно-го сознания, в этом отсутствии реакции на насилия и варварство, то ли под влиянием страха, то ли под влиянием какого-либо расчета, весь ужас того общественного разложения, имя которому фашизм.

Это разложение переходит государственные границы фашистских стран — недаром фашизм оказался предметом экспорта. Снисходительная терпимость к тому, что говорят фашистские деспоты, продиктованная тем же страхом перед международными осложнениями и трус-

ливым расчетом их избежать, — разве это не самая характерная черта всей современной политики не-фашистских, демократических стран? И дело не только в том что эта политика обречена на неуспех, а в том, что она постепенно, но верно развращает общественное сознание и в этих странах, постепенно фашизируя его. И тут роль антисемитизма особенная. Антисемитская политика фашистских стран у себя дома никому во-вне не угрожает. Это не Чехословакия и не Тунис. Как соблазнительно, поэтому, тут закрыть глаза, промолчать, чтобы не осложнить подожжения. Тем более, что и у себя дома можно натолкнуться на сантименты, бьющие в унисон с происходящим в Германии: ведь антисемитизм явление международное! Не лучше ли поэтому помолчать, не реагировать? В этом причина слабости международной реакции; и даже там, где она наиболее сильна, — в Англии, в Америке, — она далеко не на уровне происходящего.

А, между тем, именно антисемитизм главное орудие международной пропаганды фашизма. Он сравнительно легко прививается, он не вызывает национальной реакции. Он не посягает на целостность государственных границ. Но зато он идеальное средство развращения общественного сознания и его терроризирования. Реакция всегда начинала с еврея, который всегда оказывался виновником того, что ей казалось нежелательным. Фашизм только продолжает эту традицию. Поэтому — первый долг антифашизма это — борьба не на жизнь, а на смерть с антисемитизмом, не только для защиты еврейского народа от истребления, но и для защиты своей собственной совести, жизни и свободы.

По России

МОСКВА. — Пользуясь редким случаем черкнуть вам несколько строк.

Злоба дня сейчас — предстоящая демократизация партии объявленная в докладе Жданова. В ней видят подтверждение тех слухов о глубоком недовольстве, царящем в партии, которые широко распространены и в непартийной среде и с которыми многие связывают разные надежды. Новый устав объявляют желанием Сталина утихомирить и задобрить недовольных, дать понять, что новых процессов и массовых расправ не будет, что, за истреблением главных «троцкистско-бухаринских» шпионов и вредителей, партия признается теперь очищенной от скверны и благонадежной, и члены ее могут перестать дрожать за свою жизнь и спокойно заниматься своей работой. Снятие Ежова с поста главы контр-разведки и массовые освобождения из тюрем и концлагерей людей, попавших туда только за то, что они находились в более или менее отдаленном окружении казенных «врагов народа», а также и просто в служебной связи с ними, должны свидетельствовать о серьезности намерений Сталина в смысле прекращения расправ с партийцами, а запрещение массовых чисток, внесенное в проект нового устава, должно дать им гарантии и на будущее время.

Достигнет ли Сталин этой цели? Поверят ли партийцы, что новый курс взят им «всерьез и надолго», и что звание члена партии и занятие видных партийных постов станет снова своего рода патентом на неприкосновенность, а не наоборот, как это было в последние годы, прямою опасностью, делаящую их носителями объектами особой подозрительности диктатора и его контр-разведки? Судя по словам одного моего приятеля-коммуниста, за последнее время как-то снова решающегося временами говорить сколько-нибудь откровенно, вряд ли возможно теперь возрождение доверия к диктатору. «Процессы» оставили неизгладимый след в душе всех партийцев, хоть сколько-нибудь связанных с прошлыми, до-сталинскими временами. То чудовищное рабство и подхалимство, которое стало обязательным после процессов и должно еще сопровождаться столь же обязательным оплевыванием всех старых «вождей», копил невидимые пока, но не менее чудовищные залежи самой свирепой злобы к виновнику вестерпимого унижения.

Эта злоба характерно сказывается, между прочим, и в том, что, начиная с убийства Кирова, все смерти сколько-

нибудь видных партийных деятелей связываются в партийных кругах так или иначе со Сталиным. Объясняется ли официально смерть или иного лица естественными причинами, как это было в случаях Куйбышева, Орджоникидзе, Марьи Ильиничны Ульяновой, умершей сейчас же после расстрела Тухачевского, или преступлениями «врагов народа», как это имело место для Кирова, Горького, Меньжинского, в партийных кругах идут шопоты насчет того, что умирают как раз те, от которых хотел бы освободиться Сталин, и даже мнимые «враги народа» выбирают для своих мнимых преступлений его недругов или тех, кто начинает становиться в оппозицию к нему и делаться ему опасным. И так как теперь языки, как сказано, иногда позволяют себе несколько развязываться, то невзначай узнаешь немало любопытного о шопотах, ходивших и еще ходящих в партийной среде касательно многих смертей последних лет.

О слухах насчет, если не прямой причастности Сталина к убийству Кирова, то попустительству с его стороны вам в свое время немало писали, и потому на них я останавливаться не буду. Но вот про Марью Ильиничну Ульянову, последнюю оставшуюся в живых сестру Ленина, говорят, что она решительно восстала против оклеветания и истребления старых соратников ее брата и — очень скоро сошла в могилу.

С большими подробностями рассказывают об обстоятельствах смерти Горького. Что он был убит врачами, — в это никто не верит. Но уверяют, что процессы и на Горького оказали сильное влияние. Он стал будировать и заявил даже о желании снова удалиться за границу. Понятно, каким скандалом и ударом для Сталинской диктатуры было бы появление Горького за границей и выступление его с мало-мальски критической оценкой и процессов, и всего режима. За границу его не пустили, и вообще полного доверия к нему уже не было, а врачам дали как будто понять — не то, что они должны убить его, а что им незачем уже, как раньше, из кожи лезть, чтобы продлить его жизнь. Подтверждение этим предположениям видят в том факте, что, не успев Горький закрыть глаза, как специально назначенная комиссия тотчас же опечатаала все его бумаги, якобы для немедленной разработки его архива. А между тем до сих пор из этого архива ничего не появилось, да и сама комиссия как сквозь землю провалилась.

Смерть Орджоникидзе прямо объясняют отравлением. Процессы заставили Орджоникидзе настроиться и все решительнее выступать в Политбюро против истребительной политики Сталина. Особенно возмутил его расстрел его ближайшего сотрудника Пятакова, предварительно вываленного в грязь самых клеветнических обвинений. В своем протесте против этой расправы Орджоникидзе зашел даже по нашим условиям так далеко, что поселил у себя семью расстреленного. Этим он будто бы и подписал себе смертный приговор. Со смертью Орджоникидзе связан будто бы и целый ряд дальнейших событий. Была немедленно арестована жена его, Наталия Сац, а за ней ее сестры: Гланц, заведывавшая парком культуры и отдыха, и вдова Луначарского — Розенель, только что вышедшая замуж за О. Ю. Шмита и арестованная в тот самый день, когда «молодожены» собирались поселиться на общей квартире. Арестом Розенель объясняются и ходившие в то время упорные слухи о немилости и даже о предстоящем, а то уже и состоявшемся аресте самого начальника Главсевморпути. Что случилось с арестованными тремя сестрами, до сих пор никому неизвестно.

Смерть Орджоникидзе имела и другой эпилог. Официально было объявлено, как известно, что он умер от разрыва сердца. Но самый крупный специалист Советского Союза и постоянный врач Кремля, профессор Плетнев, отказался будто бы подписать этот бюллетень. Сейчас же началась в газетах его травля, как «садиста», искушавшего будто бы грудь одной из своих пациенток, а затем он оказался и на скамье подсудимых в числе «врачей-убийц». В связи с этими врачами вспоминают и о смерти бывшего главы ГПУ, Менжинского. Страдавший неизлечимой и мучительной болезнью Менжинский сам будто бы просил, чтобы ему дали яд, и получил на это разрешение, говорят — лично от Сталина. А на процесс Рыкова-Бухарина и др. это отравление было объявлено одним из гнусных преступлений Ягоды и подвластных ему врачей. Кстати, самое падение Ягоды объясняют теперь тем, что, охотно подготавливая процессы и истребление «левой» оппозиции, Ягода упорно противился расправам с оппозицией «правой».

Вспоминают, наконец, в этой связи и о самоубийстве Томского. Оно произошло будто бы так. После ожесточенной дискуссии, которая длилась чуть не 24 часа и в которой Томский подвергся яростным нападкам, он вернулся к себе на дачу и рассказал своей жене все, что было. Обсудив положение, они оба решили, что ему ничего не остается, как покончить с собою. Было это уже поздно ночью, почти на рассвете. Утром, часов в 10, жена Томского уехала в Москву на работу, а он остался с сыном. Погуляв с мальчиком по саду, он попросил его сходить за папиросами, а сам идет в комнату, вынимает револьвер, подаренный ему тульскими рабочими, и стреляет себе в висок... Жену его в тот же день арестовали...

Во всех этих рассказах, воспоминаниях и толках очень ясно сказывается та глубокая вражда к диктатору, которая таится в партийной среде. Но такого рода настроения выходят далеко за пределы этой среды, и оппозиционная «активность», не находящая легальных форм для своего выражения, получает иногда весьма своеобразный выход. Так, например, еще в конце 37 года появились в обращении спички в коробках, на которых нарисовано было пламя; но стило рисунок перевернуть, — и явственно выступал орел, правда, одноглавый. Пришлось милиции долго шнырять по лавкам и лоткам, чтобы отобрать крамольные спички! В таком-же роде случаются время от времени и другие истории: то этикетки с рисунком, в арабесках которого при известном повороте выступает профиль Троцкого; то школьные тетради с нарисованным аэропланом, пропеллер которого напоминает искаженное злобой и свирепостью лицо Сталина и в очертании которого вписаны даже мельчайшими буквами антисталинские лозунги, и т. д. Нетрудно понять, сколько ненависти должно было накопиться в душах неведомых «активистов», чтобы они шли на столь рискованное дело!

Эта ненависть дала себя знать и на выборах в Верховный Совет, когда повсюду было подано много бюллетеней, в которых, вместо имени кандидата, были вписаны всякие ругательства. А в московском избирательном округе самого диктатора, как бы по уговору, многими избирателями вместо бюллетеней был вложен в конверт листок отрывного календаря за 10 декабря, на котором был напечатан портрет... Тухачевского. Демонстрация, достаточно красноречивая!

При наличии таких настроений понятно, почему не только на верхах, но и в низах, не только в партии, но и вне ее с некоторым нетерпением ждут партийного съезда, и почему такое сильное впечатление произвел опубликованный проект демократизированного устава партии...

7 февраля.

X.

От редакции. — За недостатком места отлагается до следующего номера статья В. Александровой: Литературно-революционные портреты.

Издания, поступившие в редакцию.

Der Sozialistische Kampf, N° 2, 3.

Nouveaux Cahiers, N° 38.

Socialist Review, Vol. 6, N° 9.

Cahiers d'Europe, N° 2.

La Révolution Proletarienne, N° 288.

Neue Front, Jahrgang 7, Heft 2.

Alexandre Barmine. Vingt ans au service de l'U. R. S. S. Souvenirs d'un Diplomate Soviétique. Editions Albin Michel. Paris. Prix 25 francs.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1939 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

19-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.; для С.А.С.Ш. за год — 6 долл., за 1/2 г. — 3 долл., за 1/4 г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за 1/2 г. — 75 фр., за 1/4 г. — 40 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 4 фр., двойного — 6 фр.; для С.А.С.Ш. — 25 центов, двойного — 35

центов; для остальных стран — 6 фр., двойного — 9 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно:

- 1) *L'Almanach populaire pour 1939* или
- 2) *Otto Bauer*. — *Die illegale Partei* или
- 3) *L. Blum*. — *L'exercice du pouvoir*.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно